

М. Э. Шульгун

МОДЕЛЬ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ЛИРИЧЕСКИХ АВТОПОРТРЕТАХ

По справедливому утверждению В. И. Сахарова, «традиционная борьба русских романтиков с пресловутым «просветительским классицизмом» выглядела совсем иначе, нежели, например, во Франции... И у нас дерзкая литературная молодежь... вволю потешилась над консервативным и наивным «старикашкой-классицизмом» (А. А. Бестужев), однако именно романтик и либерал Вяземский в 1822 году отдал должное наследию прошлого: «Эпоха, ознаменованная деятельностью Хераскова, Державина, Дмитриева, Карамзина, была гораздо плодотворнее нашей» [7, с. 9]. Но справедливо и другое утверждение: литературные явления начала романтической эпохи, сохраняющие тесную связь с просветительскими идеями и эстетическими идеалами, оказываются способны не только к сохранению, повторению уже сложившихся традиций, но и открыты для вбирания в себя новых, новаторских тенденций.

Цель данной статьи – анализ лирических стихотворений поэтов рубежа XVIII-XIX веков – А. Н. Нахимова, Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина, который позволит понять своеобразие художественных исканий писателей, связать их с идейно-эстетическим контекстом их эпохи. Осмыслить и проанализировать лирические автопортреты, которые явились своего рода поэтической декларацией поэтов.

В лирическом произведении предметом изображения являются переживания, мысли самого поэта. Но это не просто переживания какого-то человека, а переживания общественно значимые, в которых духовный мир поэта, не теряя своей индивидуальности и автобиографичности, получает обобщенное выражение. Лирический герой позволяет точнее осмыслить соотношение индивидуального и обобщенного, автобиографичности и вымысла в лирике.

Среди лирических сочинений А. Н. Нахимова особое место, думается, занимает стихотворение «К себе», написанное, как верно заметил И. Я. Лосиевский, в распространенном с конца XVIII в. жанре лирического автопортрета [5, с. 116]. Это стихотворение не было напечатано в первых изданиях сборника сочинений А. Н. Нахимова, оно появилось только в дополненном издании 1822 г. и не часто переиздавалось.

Если отметить не только общее жанровое и тематическое сходство этого стихотворения А. Н. Нахимова с другими лирическими автопортретами современной ему эпохи, а конкретно сопоставить его с одноименными стихотворениями Н. М. Карамзина (1795) и Г. Р. Державина (1798), то можно обнаружить несомненную самобытность нахимовского автопортрета. «К самому себе» Н. М. Карамзина – это обращение, как кажется, не столько персонально автора к своему внутреннему «я», сколько сентименталистская апелляция к любому «слабому человеку»: «Слабый человек! / Что хочешь

делать?...» [2, с. 162]. Недаром причина меланхолии лирического героя обозначена общо, читатель может истолковать ее, вложив в ситуацию свой конкретный опыт: «Исчезло все, что сердцу льстило, / Душе моей казалось мило». Разочарование в любви, в частной жизни, полагает лирический герой, должно быть преодолено не по милости рока («Рока и небес / Не тронешь ты своей тоскою»), а обращением к красоте и гармонии природы, а главное – «к сердцу своему». Но сентименталистская апелляция к сердцу нужна поэту, чтобы напомнить – себе, своему лирическому герою, читателю – о примерах античной мудрости и героизма:

«Житейских радостей конец
Да будет для тебя началом
Геройской твердости в душе!» [2, с. 163].

Иное настроение царит в лирическом автопортрете Г. Р. Державина: «Что мне, что мне суетиться, / Вьючить бремя должностей, / Если мир за то бранится...» [1, с. 273]. Написанное по конкретному поводу – после безуспешных выступлений Г. Р. Державина в Межевом департаменте сената в защиту крестьян, которых беззастенчиво грабили генерал-прокуроры, – оно содержит в себе полемическую, слегка раздраженную реакцию поэта на разочарование в участии в политико-социальной жизни, обещание ограничить свое существование только сферой частной жизни, то есть как будто «переворачивает» карамзинскую ситуацию наизнанку, стремясь от сферы «героического», гражданского – в область приватного:

«Лучше, лучше мне лениться,
Чем злодеев наживать.
Полно быть в делах горячим,
Буду лишь у правды гость;
Утром раза три в неделю
С милой музой порезвлюсь;
Там опять пойду в постелю
И с женою обоймусь» [1, с. 274].

Другая модель мировоззрения в стихотворении А. Н. Нахимова: здесь лирический герой не только персонифицирован, как у Г. Р. Державина, но и прямо назван по имени («Престань, Нахимов...»), он размышляет не о той или иной – частной (несчастливая любовь) или общественной (политическое действие) – ситуации, а о судьбе в целом, о «жребии», который, по мысли автора, вызывает его ропот по разным, нескольким причинам – бренность жизни («что дни твои так скоротечны»), заурядность удела («Что ты не создан Исполином»), отсутствие таланта («Не можешь так играть на лире, / Как славный Тимофей играл»), светскости («Задумчив, медлен, нелюдим»), дара влюблять в себя («Пленить не можешь ты собой»). Поэта занимает не коллизия гражданского или приватного, а внутренний конфликт душевного упадка и веры, нежелания жить – и жажды жизни. При этом судьба отождествляется поэтом с «Божьим провиденьем», и это обстоятельство побуждает его осуждать

собственную печаль и уныние. Неисповедимость Господних путей не отменяет благотворности Божественного закона, хотя мешает человеку проникнуть в суть Его замысла («слабый смертный не измерит/ Путей невидимых Его»). А. Н. Нахимов рисует, по существу, не сентименталистскую меланхолию, а романтическое уныние, осуждая себя за греховность такого настроения и утверждая своего рода программу поведения:

«От мнимого добра прямое
 Всегда старайся отличать,
 Чтоб привидение пустое
 За счастье не почитать...» [6, с. 274].

А. Н. Нахимов, во-первых, больше, чем его предшественники, обращен в этом стихотворении к проблеме собственного творчества, утверждает определенную, не только поведенческую, но и этико-эстетическую программу, связанную как с сентименталистской моралистической чувствительностью («люби всем сердцем добродетель»), так и с романтической полемикой с «людскими мнениями» и защитой индивидуальной нравственной позиции. Во-вторых, стихотворение А. Н. Нахимова более чем у его предшественников, философично, анализирует категорию «добра» не только как социальное понятие, но и как общий принцип Божественной вселенной («Одно добро лишь неизменно: / Его источник есть сам Бог!»). Счастье, по Нахимову, он приобретает тогда, когда не сомневается в этом исходном принципе и, ориентируясь на философов античности (Сократа, Фокиона) с их последовательной гражданской позицией, смело смотрит в лицо и жизни, и смерти.

Закономерен вопрос: в чем различие портрета лирического героя и автопортрета в лирической поэзии. Разграничение этих понятий определяется объектом изображения, подобно тому, как различаются портрет и автопортрет в изобразительном искусстве. Ведь и в поэзии, как в живописи, мировидение автора, его отношение к миру выражается и через портрет, и через автопортрет. В поэзии портрет лирического героя и автопортрет также различаются доминантным предметом изображения. Через портрет автор передает свое видение того образа, который изображен, а уже через него проявляется авторская позиция, т. е. мировоззрение поэта раскрывается более опосредованно. В автопортрете – подчеркнутое субъективное начало, взгляд художника на свой мир, отраженный во внешнем облике, следовательно, и представление о мире передается не через образ-адресат авторского чувства, а непосредственно через видение самого себя. Обращение к автопортрету в творчестве А. Нахимова связано со стремлением к зрительному выражению своего и внешнего, изобразительного, и внутреннего «я».

Таким образом, обращаясь к изображению «самого себя» в стихотворении, Нахимов стремится, кажется, прежде всего, к созданию портрета своего мира во всей его многогранности. Нахимов представляет собой тип писателя университетского круга, образованного дворянина, сохраняющего

просветительские идеалы, но воплощающего их не столько в публичной деятельности, сколько в собственной вполне самостоятельной позиции «частного лица» и в своем литературном творчестве. В его взглядах на социальные проблемы России сложно и в то же время вполне характерно для общей национально-исторической ситуации сплетались просветительские, демократические и консервативные идеалы [3, с. 24], сосредоточенность писателя на критике нравов своей эпохи, а не на тех или иных проектах политических преобразований, его пиетет по отношению к церкви, неприятие Французской революции, якобинизма не снижали критического накала по отношению к злоупотреблениям, взяточничеству, несправедливости чиновничества, их пренебрежению к нуждам народа.

Карамзин обращается, как кажется, не столько персонально к своему внутреннему «я», сколько сентименталистски апеллируя к любому «слабому человеку»: сентименталистская апелляция к сердцу нужна поэту, чтобы напомнить – себе, своему лирическому герою, читателю – о примерах античной мудрости и героизма.

В лирическом портрете Державина – полемическая, слегка раздраженная реакция поэта на разочарование в участии в политико-социальной жизни, обещание ограничить свое существование только сферой частной жизни, то есть он как будто «переворачивает» карамзинскую ситуацию наизнанку, стремясь от сферы «героического», гражданского – в область частного.

В то же время сложность формирования целостного представления о историко-литературном процессе рубежа веков связана с объективными факторами. В самом деле, это время, когда начинается высший расцвет творчества Г. Р. Державина, когда ведет активную журналистскую Н. М. Карамзин, и уже уверенно вступает в литературу В. А. Жуковский, делает свои первые литературные шаги К. Н. Батюшков. Закономерно, что основное внимание исследователей привлекают произведения именно значительных писателей этого периода: они наглядно позволяют ощутить связь времен, соединяют воедино два важнейших литературных этапа русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Державин Г. Р. Стихотворения [Текст] / Г. Р. Державин. – Л. : Худож. лит., 1957. – 745 с.
2. Карамзин Н. М. Стихотворения [Текст] / Н. М. Карамзин. – Л.: Худож. лит., 1966. – 162 с.
3. Костырева Л. П. Консерватизм в России на рубеже XVIII-XIX веков : автореф. дис. на получение науч. степени канд. истор. наук : спец. 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» / Л. П. Костырева. – М., 2000. – 26 с.
4. Лонгинов М. Н. Рецензия / М. Н. Логинов // Современник. – 1849. – Т. 18. – № 11. – С. 1-4.

5. Лосиевский И. Я. Русская лира с Украины: Русские писатели Украины первой четверти XIX века [Текст] / И. Я. Лосиевский. – Х. : Око, 1993. – 220 с.
6. Нахимов А. Н. Сочинения в стихах и прозе, напечатанные по смерти его. [Текст] / А. Н. Нахимов. – М., 1859. – 112 с.
7. Сахаров В. И. Романтизм в России: эпоха, школы, стили [Текст] / В. И. Сахаров. – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – 256 с.

АННОТАЦИЯ

Шульгун М. Э. Лирические автопортреты в русской литературе рубежа XVIII-XIX веков.

В статье предпринимается попытка анализа лирических стихотворений поэтов рубежа XVIII-XIX веков – А. Н. Нахимова, Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина, который позволит понять своеобразие художественных исканий писателей, связать их с идейно-эстетическим контекстом их эпохи. Осмыслить и проанализировать лирические автопортреты, которые явились своего рода поэтической декларацией поэтов.

Ключевые слова: лирический автопортрет, модель мировоззрения, авторская позиция, жанр.

АНОТАЦІЯ

Шульгун М. Е. Лирические автопортреты в русской литературе рубежа XVIII-XIX веков.

У статті пропонується спроба аналізу ліричних віршів поетів межі XVIII-XIX століть – А. М. Нахімова, М. М. Карамзіна, Г. Р. Державіна, що дозволить зрозуміти своєрідність художніх шукань письменників, зв'язати їх з ідейно-естетичним контекстом їхньої епохи. Осмислити й проаналізувати ліричні автопортрети, які з'явилися свого роду поетичною декларацією поетів.

Ключові слова: ліричний автопортрет, модель світосприйняття, авторська позиція, жанр.

SUMMARY

Shulgun M. E. Lyrical self-portraits of Russian literature in late XVIII, in early XIX.

In the article you can find an attempt of analysis of the lyrical poems of A. M. Nakhymov, M. M. Karamsin, G. R. Derjavin – the poets from the borders of XVIII-XIX centuries. It helps to understand the peculiarities of writers' artistic searches, connect them with the idea-aesthetical context of their epochs, comprehend and analyze lyrical self-portraits which become a kind of poetical declaration of the poets.

Key words lyrical self-portrait, world view, author's intention, genre.